

«Однажды, когда я работал над фреской по заказу министра образования, меня окликнула молодая девушка: “Диего! Спуститесь, пожалуйста! Мне нужно обсудить с вами нечто важное”...

Я посмотрел вниз и увидел девушку лет восемнадцати с хорошей фигуркой и тонкими чертами лица. У нее были длинные волосы, темные густые брови сходились на переносице. Они были похожи на крылья дрозда».

Диего Ривера. My Art, My Life

ГЛАВА 2

НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Испытывая невероятную гордость за свою принадлежность к мексиканской культуре, Фрида написала в Детройте «Автопортрет на границе между Мексикой и Соединенными Штатами», 1932 (с. 30).

С пересмотром самоидентификации родился и новый подход к живописи. Свадебный портрет «Фрида и Диего Ривера» (справа) написан в 1931 году: она крошечная, в своем прекрасном костюме, держит за руку мужа-колосса.

Красная брошь

Сняв наконец гипс и выбравшись из кокона, в котором пребывала долгие месяцы без движения, Фрида ощутила необыкновенную жажду жизни. Ей пришлось отказаться от мысли об изучении медицины, так как при ее заболевании это было невозможно, и она решила посвятить себя живописи. Однако сначала предстояло найти работу, ведь отцу становилось все сложнее справляться с обязанностями главы большого семейства, а месяцы, проведенные Фридой в больнице, серьезно подорвали бюджет домохозяек. Она отыскала товарищей из Препаратории. Они продолжали учебу в колледже и по-прежнему занимались политикой. Верный друг, лидер движения Герман де Кампо, взял Фриду под свое крыло. Ей двадцать лет, она только вернулась к жизни и поняла, чем хочет заниматься.

Девушка с головой погрузилась в творчество, вступила в коммунистическую борьбу и взяла за образец молодую пару — воплощение союза искусства и политики — фоторепортера Тину Модотти (ассистентку американского фотографа Эдварда Уэстона) и ее возлюбленного, молодого кубинского революционера Хулио Антонио Мелью, противника диктатуры Мачадо и первого генерального секретаря коммунистической партии

«Народное мексиканское искусство... принадлежит людям, оно грандиозно. Оно принадлежит людям и потому является коллективным». Это первое утверждение о коллективности искусства, совместная работа команды, чьи цели отражены в «Социальной, политической и эстетической декларации», подписанной Риверой, Ороско, Шарло и другими художниками от лица недавно созданного «Революционного синдиката работников техники и искусства».

Диего Ривера получил заказ от Министерства образования на создание монументальной росписи, работа над которой заняла пять лет (с. 33).

Кубы (спустя несколько месяцев он погиб на глазах Тины от рук агента Мачадо).

Восхищение этой парой помогло художнице сформулировать свои революционные принципы: отдавать жизнь за дело, за справедливость, — а также по-новому осознать собственную женственность. Красавица Тина, итальянка по происхождению и бунтарь по призванию, стала для Фриды идеалом женщины: она свободна в своих взглядах и выборе партнеров, честна с собой и окружающими, посвящает свое искусство народу. Фрида вступила в ряды мексиканской коммунистической партии (МКП), и Тина подарила ей эмалевую брошь с изображением серпа и молота, которую тут же прикрепила к костюму девушки: Фрида, осознавшая всю силу своей красоты, сменила бесполые наряды на блузки и длинные юбки.

«Диего, спускайтесь!»

Именно дома у Тины, позировавшей Ривере в образе богини плодородия для фрески «Песнь о земле и тех, кто ее возделывает и освобождает» в часовне Чапинго, Фрида познакомилась с муралистом* Диего. Ему слегка за сорок, в нем больше ста восьмидесяти сантиметров роста и около ста пятидесяти килограммов веса — он один из «трех великих». На него, Хосе Клементе Ороско и Давида Альфаро Сикейроса министр образования Хосе Васконселос

Огромный цикл росписей общей площадью 1585 м², занимающих три этажа вместе с аркадами внутренних дворов, лестничной клеткой и лифтом, называется «Политическое видение мексиканского народа» (ниже) и демонстрирует разнообразие повседневной жизни Мексики: рабочие будни, праздники, драмы, угнетение бедных. Фрида Кало в центре, Тина Модотти справа, они выражают абсолютное согласие с этим видением.

Тина Модотти (с. 32)
на выставке своих фоторабот
в Национальной библиотеке
Мексики в 1929 году.

* Художник, работающий в стиле муралы — мексиканской монументальной живописи. Прим. ред.

возложил особую миссию по просвещению народа (80% граждан Мексики были неграмотны) и возрождению национальной истории с помощью муралей на фасадах общественных зданий.

Как-то молодая Фрида Кало пришла в амфитеатр имени Симона Боливара, расположенный в Национальной подготовительной школе. Там Диего Ривера, стоя на строительных лесах, работал над фреской «Сотворение мира». Окрепшая после аварии, уверенная в собственных силах, она шла в Министерство образования, чтобы показать свои работы. Диего был высоко, на уровне третьего этажа, но она крикнула ему: «Диего, спуститесь, пожалуйста!» Заинтригованный, он спустился и взглянул на ее картины. Они поразили его «фундаментальной пластической честностью» и творческой индивидуальностью. Ничуть не смутившись, девушка заявила: «Я пришла сюда не за комплиментами. Мне нужна серьезная критика человека, который в этом разбирается. Я не поклонница искусства и не художник-любитель. Я просто вынуждена искать средства к существованию». Она пригласила его в родительский дом в Койоакане в следующее воскресенье, чтобы он посмотрел остальные работы, — так начался их диалог длиною в двадцать семь лет.

В жизни Диего было много женщин: Мария Бланшар из Испании, русская художница Ангелина Белова (с ней он познакомился в Париже), Мария Воробьева-Стебельская (Маревна), чувственная и пылкая Гуадалупе Марин (модель, позировавшая ему для фрески «Сотворение мира», и вторая жена, мать его двоих детей). Но чувство удивления,

На картине «Автобус» (1929) Фрида Кало в своей манере пишет то же, что и Диего Ривера на фресках, — стереотипные образы мексиканского общества: домохозяйку с корзиной для покупок; рабочего в комбинезоне с разводным ключом в руках; босоногую коренную мексиканку, которая, накинув на плечи традиционный шарф ребозо, кормит грудью малыша, в то время как ребенок постарше рассматривает вид за окном; пожилого гринго (так называли американцев) с мешком денег — некий аналог капиталиста с фресок Диего; уверенную в себе женщину с явными атрибутами буржуазности: легким шарфом и модной сумочкой. Это фиксация социальной иерархии в духе Диего, однако она выполнена с присущим Фриде юмором.

восхищения и уважения, которое вызвала эта худенькая девушка, было ни с чем не сравнимо. Диего пронес его через годы.

Слон и голубка

После развода с Лупе сорокадвухлетний Диего повстречался к Фриде. Ему, великому Ривере, пришлось закрыть глаза на скромный достаток семьи Кало и даже взять на себя оплату их долгов. «Не забывайте, что моя дочь больна и останется такой на всю жизнь, она умна, но не слишком красива. Подумайте об этом, и, если все же захотите взять ее в жены, я дам свое согласие», — предупреждает его отец Фриды.

Диего запечатлел свою возлюбленную с красной звездой на груди на фреске «Раздача оружия» (см. с. 33), украшающей Министерство образования в Мехико. Они с Фридой поженились 21 августа 1929 года. «Союз слона и голубки», — с горечью прокомментировали рождение новой семьи

Первого мая 1929 года Диего и Фрида (ниже) вместе с «Революционным синдикатом работников техники и искусства» участвуют в праздновании Дня труда на площади Сокало в Мехико. Синдикат, членами которого были Ривера, Ороско, Синейрос и Шарло, являлся орудием революции и выпускал собственную газету *El Machete* с эмблемой в виде серпа и молота.

Эта молоденькая девушка, вдвое меньше супруга, который покровительственно, почти по-отцовски, положил руку ей на плечо, вот-вот станет сеньорой Диего Ривера (слева). Ей пришлось побороться за него, ведь на момент их встречи он был женат на Гуадалупе Марин, и многому научиться, чтобы соответствовать выдающемуся мужу. Первым делом она поменяла наряд (с. 37). В самый разгар интереса к мексиканской культуре начала носить длинные юбки, массивные украшения и шали с бахромой, завершив образ венком из тяжелых кос.

близкие Фриды. Ее отец единственный из них присутствовал на свадьбе. Жених был одет на американский манер и носил гигантскую ковбойскую шляпу, а Фрида выбрала стиль коренных индейцев: длинную юбку и традиционный шарф ребозо, накинутый на плечи. Позже Диего вспоминал, как в середине церемонии, которая проходила в ратуше Койоакана, «дон Пильермо Кало встал и сказал: “Господа, да это же просто какая-то комедия!”» Была ли это попытка оборвать ниточку, связывающую его с любимой дочерью, или предчувствие супружеской жизни, полной слез и смеха, противоречий и испытаний? «Посмотрим, что выйдет», — написала Тина Модотти Эдварду Уэстону.

Ее жизнь становится искусством

Они поселились в Куэрनावаке, где в тот момент работал Диего. Он расписывал стены дворца Кортеса, создавая огромную фреску «Завоевание и революция». Его исключили из партии, и Фрида в знак солидарности тоже вышла из нее.

Она замужем за кумиром эпохи, который олицетворял собой часть истории Мексики. Он старше ее на двадцать лет, выше на двадцать сантиметров и тяжелее на сто килограммов. Она работает рядом с ним, создавая собственную славу. Ради Диего, который был ее богом, сыном, «второй аварией», как она любила говорить, Фрида носила национальный теуанский костюм.

Диего побывал на перешейке Теуантепек и не только запомнил, но и запечатлел красоту местных девушек, одетых в своеобразные костюмы и головные уборы. Гордые и независимые теуанки установили на своей земле матриархат. До конца жизни, словно соблюдая некий ритуал, Фрида украшала себя, будто идола, создавая уникальный образ, нащупывая свой стиль, в котором все очевиднее становились отсылки к миру искусства. В ее подходе было что-то от романтизма (близкого немцам не меньше, чем мексиканцам). Она приписывала это желанию «вернуться к корням», открыть для себя подлинно мексиканскую идентичность в стране, которая вновь стала возносить ценности коренного населения над традициями европейцев и североамериканцев. Фрида начала новый диалог с зеркалом, вглядываясь в себя в поисках недостающего подтверждения своего немецкого происхождения. Ее жизнь стала искусством, произошло ее становление и как женщины, и как художника. Жена «именитого художника», она прихорашивалась для Диего, вкусно готовила, организовывала досуг и служила источником вдохновения. В свою очередь, женщина черпала силы в его удивительной энергии, социальном признании — и все отчетливее понимала, что однажды станет профессиональной художницей и будет зарабатывать этим на жизнь. Имея пример Диего перед глазами, она пестовала в себе это внутреннее убеждение, вдохновлялась его силой и безграничными творческими возможностями: за четыре года он создал 124 панно, покрыл фресками 500 м² — во славу мексиканской народной культуры, во имя любви к жизни и красоте. Единственное, что омрачило ее существование, — это вынужденный первый аборт.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)